

А. А. Жуков

К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

(О РОЛИ ЯЗЫКА СУАХИЛИ)

Изучение этнической структуры и лингвистической ситуации в странах Африки занимает все более значительное место в современной африканистике. Все чаще и чаще африканисты — этнографы и языковеды — приходят к заключению, что одна из важнейших задач лингвистики заключается в том, чтобы дать как можно более четкое представление об этнокультурных процессах, происходящих в современной Африке, в связи с лингвистическими проблемами на основе глубокого их изучения. В этом отношении наиболее показательны работы советского ученого Д. А. Ольдерогге и английского У. Уайтли¹. Специальные статьи появились в ведущих журналах, освещающих африканскую проблематику, изданы отдельные сборники, проведены дискуссии и конференции по этнолингвистике. В результате выяснились наиболее важные проблемы. К ним относятся: процессы формирования крупных этнолингвистических общностей; роль многоязычия в современной Африке; «смешанные языки»; местные языки и их роль в системе образования; выработка письменности; взаимоотношения местных африканских языков и языков бывших метрополий и т. д. и т. п.² Все эти вопросы имеют не только теоретический характер, — большинству современных африканских государств приходится сейчас на практике решать сложные проблемы национального единства, возрождения национальной культуры, языкового строительства. Указанные проблемы, естественно, не могут быть решены без учета конкретной языковой и этнической ситуации в каждой отдельной стране или районе Африки.

В настоящей статье затрагиваются некоторые вопросы, связанные с изучением этнолингвистической ситуации в Восточной Африке.

Географическое понятие «Восточная Африка» охватывает территорию трех стран — Уганды, Кении и Объединенной Республики Танзании³. С точки зрения характеристики этнического состава каждая из этих стран имеет свои особенности.

Население Уганды, насчитывающее около 8 млн. человек⁴, по языко-

¹ См., напр.: Д. А. Ольдерогге, Этнолингвистическое и политическое деление Африки, «Тезисы научной сессии, посвященной итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г.», Л., 1967, стр. 41—42; его же, О некоторых этнолингвистических проблемах Африки, «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 135—157. W. H. Whiteley, Linguistics and Africa: 1962—67, 1968 (роталпринт); его же, Priorities for linguistic research in East Africa, 1965 (роталпринт).

² См.: «Language in Africa. Papers of the Leverhulme conference on universities and the languages problems of Tropical Africa», Cambridge, 1963; «Study of the role of second languages in Asia, Africa and Latin America», Washington, 1962; «Language problems of developing nations», New York — London — Sydney — Toronto, 1969.

³ О Занзибаре, входящем в состав Объединенной Республики Танзания, по ряду причин надо говорить особо; здесь под Танзанией имеется в виду лишь ее материковая часть (Танганьика).

⁴ По оценке 1967 года. См.: «The Statesman's year-book. 1968—69», New York, 1968, p. 505.

вому признаку распадается на три группы. Более 70% говорит на языках банту, остальные — малые народности, говорящие на нилотских (около 30%) и восточно-суданских (менее 1%) языках. В среде бантуязычных этнических групп выделяются баганда (до 2 млн. человек). В XV в. баганда стали этническим ядром крупного государства Буганда, под властью которого находились более мелкие государственные образования, возникшие также на базе определенных этнических групп (Буньоро, Анколе, Торо и др.). В 1900 году все они вошли в состав протектората Уганда, причем англичане, проводя политику так называемого «косвенного управления», сохраняли и всячески поддерживали главенствующее положение Королевства Буганда, а следовательно, и народа баганда, среди других этнических групп. После получения независимости в 1962 году это положение некоторое время сохранялось. С 1961 года в Буганде существовала партия «Кабака екка» («Только кабака»), выступавшая за выделение Буганды в самостоятельное государство во главе с кабакой Мутесой II. Правительству независимой Уганды долгое время приходилось сдерживать сепаратистские тенденции, пока они не вылились в открытый мятеж. После его подавления, по конституции 1966 года, все традиционные королевства были упразднены. Здесь нужно обратить внимание на следующее важное обстоятельство: к крупной исторически сложившейся общности — баганда — тяготеют в большей или меньшей степени небольшие (от 300 тыс. до нескольких десятков тыс.) народности и племена, говорящие на близких к луганда языках и диалектах. Именно это является характерным для этнической структуры Уганды.

Население Кении составляет около 10 млн. человек⁵. В лингвистическом отношении оно также делится на три группы: на языках банту говорит более двух третей населения; значительное число говорит на нилотских языках; третья — кушитская — группа представлена слабо (несколько десятков тысяч человек). Наиболее крупный народ (из говорящих на языках банту) — акикую, — насчитывает около 2 млн. чел.; из говорящих на нилотских языках — луо, — более 1 млн. чел. Различия между ними не только языковые, различны их материальная культура, традиции и т. п. Таким образом, в этнической структуре Кении имеются две крупные гетерогенные этнические единицы.

Население материковой части Танзании (более 12 млн. чел.)⁶ состоит из многочисленных народностей и племен⁷, говорящих, главным образом, на языках банту, — от 800 тыс. до нескольких десятков тыс. человек. Незначительное число составляют представители нилотской, кушитской и койсанской языковых групп. Характерным для этнической структуры материковой части Танзании как раз и является отсутствие какой-либо крупной однородной этнической общности.

Так, в самых общих чертах можно представить этническую структуру трех восточноафриканских стран, каждая из которых имеет свои особенности: в Кении две крупные гетерогенные этнические общности; в Уганде — одна; в Танзании (материковая часть) вообще отсутствует какая-либо ведущая этническая единица.

Если обратиться к этническим картам Восточной Африки, то непременно бросится в глаза их пестрота. Например, в изданном Восточноафриканским Институтом социальных исследований в 1960 году специальном справочнике (по данным 1948 года) перечисляются более тридцати «племен» Уганды, более двадцати — Кении, около сорока — Тан-

⁵ По оценке 1967 года. См.: «The Statesman's year-book. 1968—1969», New York, 1968, p. 510.

⁶ См. «Tanzanian census», «Business and economy of Central and East Africa», vol. 2, № 1, 1968, p. 23.

⁷ Их перечисление см.: «Tanganyika Notes and Records», № 52, 1959, pp. 69—74; Ср. A. J. Nsekela, Minara ya historia ya Tanganyika, Arusha, 1965, pp. 186—189.

ганьики⁸. В других публикациях называются цифры в 2—3 раза больше. Однако такая пестрота должна восприниматься в известной мере условно; нужно учитывать, что в последние десятилетия происходит интенсивный процесс взаимодействия и перемешивания мелких этнических групп тесно связанный с социально-экономическим развитием и политическими преобразованиями. Особенно бурно он протекает в районах разрушения промышленных предприятий, в городах⁹. Кроме этого ведущего фактора, способствующего разрушению этнических перегородок, в Восточной Африке есть и другой, роль которого в этих процессах исключительно велика. Речь идет о языке суахили, который является средством общения для огромной массы населения Восточной Африки.

На восточноафриканском побережье издавна жили многочисленные племена, говорившие на близкородственных языках и диалектах банту VII—XIII вв. относится первый, очень незначительный приток арабов из Аравии, а несколько позднее, вместе с арабскими переселенцами, пришел и ислам. Некоторая часть африканского населения приняла его, представители знатных родов стали считать себя наследниками арабов и арабской культуры, создавая впоследствии сложную родословную, ведающую, якобы, начало от арабских переселенцев. Видимо, в это время (XII—XIII вв.) и появляется название «васуахили», которое первоначально обозначало торговых слой африканского населения, говорящего на основном языке побережья — кисуахили (от арабск. *савахиль* — «часть побережья, гавани, портовые районы прибрежных городов»), т. е. кисуахили буквально обозначало «говорить так, как говорят в савахилиях»¹⁰.

В течение десяти-двенадцати веков на узкой полоске африканского побережья Индийского океана и прилегающих к ней островах сформировалась сложная суахилийская культура¹¹. Здесь появились крупные города-государства. Именно в процессе становления государственности, в обстановке перемешивания, с одной стороны, диалектов островных и береговых племен (банту), с другой, — диалектов рабов (также банту), дообладавших на побережье из глубины Тропической Африки, и арабского языка складывался общий язык побережья — суахили (кисуахили). В процессе формирования его главную роль в разные периоды играли различные диалекты: в начальный период (VII—VIII вв.) первенствовал киаму, диалект района островов Ламу; в IX—XI вв. — кимвита (район Момбасы), а позднее — киунгуджа (о. Занзибар). Под влиянием арабского языка лексический состав суахили пополнился многочисленными заимствованиями; в результате взаимодействия и взаимовлияния близкородственных языков и диалектов произошли некоторые изменения в грамматике. Однако они не привели к утрате языком суахили основных черт грамматической структуры банту¹².

Пять или шесть столетий назад суахили был, так сказать, «первым»

⁸ J. E. Goldthorpe, F. B. Wilson, Tribal maps of East Africa and Zanzibar, «East African Studies», № 13, 1960. По Танганьике, например, приводятся цифры еще большие, см.: «Tanganyika Notes and Records», 1959, № 52, pp. 69—74.

⁹ См. об этом: Р. Н. Исмагилова, Этнический состав и занятия населения танганьики, «Африканский этнографический сборник», II, ТИЭ, XLIII, М., 1958, стр. 271—301.

¹⁰ М. А. Толмачева, Восточная Африка в средневековых арабских известиях. Этно-географическое исследование, канд. дисс., Л., 1970.

¹¹ См. об этом подробно: A. H. J. Prins, The Swahili-speaking peoples of Zanzibar and East African Coast, London, 1961; В. М. Мисюгин, Происхождение городов восточноафриканского побережья, «Вестник ЛГУ», № 20, вып. 4, 1958, стр. 142—152; его же, Основные черты этнической истории суахили, канд. дисс., 1967. См. также автореферат диссертации.

¹² О возникновении и становлении языка суахили есть специальные статьи, в которых излагаются различные (порой противоречивые) теории. См., напр.: G. M. Bloomfield, The development of the Swahili language, «Africa», vol. III, № 4, 1930, pp. 516—522; его же, The re-bantuization of the Swahili language, «Africa», vol. IV, № 1, 1931,

(или родным) языком сравнительно небольшого числа жителей прибрежных районов. Можно считать, что на этой стадии он был языком определенной социэтнической общности, причем социальная сторона играла, по-видимому, основную роль¹³.

В связи с возникновением и развитием торговли, прочных торговых путей, связывающих побережье и внутренние районы, суахили проникает в XVIII—XIX вв. в глубь континента, вплоть до Таборы, озера Танганьика и даже восточных районов нынешнего Конго (Киншаса), где до сих пор распространен диалектный вариант суахили — кингвана, т. е. «язык благородных, знатных» (имелись в виду торговцы, владельцы торговых караванов). Он становился средством общения торговцев, идущих с побережья, и местного населения¹⁴. Постепенно суахили закрепился вдоль торговых путей, в крупных торговых селениях. Его быстрое распространение облегчалось тем, что население этих районов говорило на близких языках (тоже банту). Таким образом, начиная с этого периода, суахили перестает быть привязанным к сравнительно узкой социэтнической общности, становясь языком региональным.

Когда в Восточную Африку пришли европейцы (вначале миссионеры, затем колонизаторы), они обнаружили, что суахили повсеместно понимают и говорят на нем. Немецкая, а впоследствии и английская колониальная администрация признали суахили основным местным языком завовавшихся территорий¹⁵.

В 1920-х годах, когда все восточноафриканские территории (Уганда, Кения, Танганьика) оказались под английским господством, для суахили была официально введена письменность на латинской основе (стихийные попытки делались и раньше)¹⁶. Суахили начали преподавать в миссионерских и правительственных школах, появились первые печатные издания — газеты и журналы. Все это в еще большей степени способствовало его дальнейшему распространению в Восточной Африке.

В 1930 году усилиями европейцев-миссионеров был создан Восточноафриканский межтерриториальный языковый комитет — Interterritorial Language (Swahili) Committee. Он ставил перед собой задачу способствовать стандартизации и развитию языка суахили: выработать принципы орфографии, создать учебные пособия, публиковать тексты и т. п.

pp. 77—85; K. Roehl. The linguistic situation in East Africa, «Africa», vol. III, № 2, 1930, pp. 91—202; R. Reush, How the Swahili people and language came in existence, «Tanganyika Notes and Records», № 34, 1953, pp. 20—27; M. D. W. Jeffreys, The impact of the Arab language on East Africa, «Muslim Digest», vol. 5, № 10, 1955, pp. 209—212; W. H. Whiteley, The changing position of Swahili in East Africa, «Africa», vol. XXVI, № 4, 1956, pp. 343—353; В. М. Мисюгин, О происхождении и распространении языка суахили, «Африканский этнографический сборник», III, ТИЭ, LII, 1959, стр. 36—47.

¹³ Попытки установить этнический субстрат оказались несостоятельными. Имеется в виду, например, гипотеза, предполагавшая развитие языка суахили из языка шомви, а вомомви рассматривающая как этническое протоядро васуахили. Об этом см.: R. Reush, Указ. раб.: его же, Der Islam in Ost-Afrika, Leipzig, 1931, S. 298—299.

¹⁴ Кингвана посвящены специальные статьи. См.: O. Liesenborghs, Wat is kingwana?, «Kongo-everzee», vol. IV, 1938; G. Van der Kerken, Le swahili, Langue de grande expansion, «Bulletin de l'Institut Royal Congo Belge», vol. XV, 1944; B. Le-coste, Le ngwana, variété congolaise du swahili, «Kongo-overzee», vol. 20, № 4/5, 1954, pp. 391—408.

¹⁵ Об отношении колониальной администрации к языку суахили см.: Marcia Wright, Swahili language policy, 1890—1940, «Swahili», vol. 35/1, 1965, pp. 40—48. Автор, в частности, замечает: «К тому времени, когда германская имперская власть была установлена в Восточной Африке, суахили являлся языком береговой цивилизации, языком торговли... и самым важным местным языком в миссионерской деятельности. С 1890 года, как орудие политических контактов с местным населением..., он стал языком власти (the language of power)» (p. 40).

¹⁶ До этого суахилийская письменность была основана на арабском алфавите; она возникла примерно в X—XIII вв. Суахили — один из немногих африканских языков, который имеет старинную письменную традицию. В записи старосуахилийским письмом имелись хроники городов, предания и, видимо, литературные произведения.

Комитет на известном этапе сыграл исключительно важную роль — были созданы словари, грамматики, учебники, выпускался специальный бюллетень, освещавший актуальные вопросы развития суахили¹⁷. Но только после получения независимости, когда в восточноафриканских странах началась систематическая ликвидация неграмотности, на проблемы языкового строительства было обращено действительно серьезное внимание. В Танзании, например, суахили провозглашен национальным языком; в Кении он, наряду с английским, является официальным языком страны; в Уганде суахили также широко распространен, хотя роль луганда, не сомненно, значительна.

Помимо стран Восточной Африки суахили известен в некоторых районах Конго (Киншаса), Сомали, Бурунди, Мозамбика, Замбии, Малави, Конго (Браззавиль). В общей сложности на нем говорит более сорока миллионов (в последнее время приводится даже цифра — 50 миллионов) человек. На суахили сейчас издается масса печатной продукции, в большинстве перечисленных стран ведется радиовещание, на нем вводится преподавание в школе. И вот тут-то встает сложная проблема, связанная с необходимостью стандартизации, с установлением определенных языковых нормативов. Строго говоря, вся огромная область распространения суахили не является однородной; можно выделить три ареала, различающиеся степенью охвата населения языком суахили¹⁸.

Ареал А — острова и полоса побережья, где собственно и происходило становление суахили. Для большей части населения этого ареала суахили если не «первый» (условно — родной) язык, то, по крайней мере, в повседневной жизни на нем говорят всегда, во всех сферах.

Ареал В — почти вся материковая часть Танзании, значительные районы Кении и Уганды, некоторые области Конго (Киншаса), Бурунди, Мозамбика, Замбии и Малави. Для населения этой зоны характерен билингвизм (и даже трилингвизм), — преимущественно употребляется суахили, но в известных обстоятельствах — дома, в семье (особенно старшее поколение и женщины) используют местные наречия. Билингвизм, конечно, имеет место и в ареале А, но там он проявляется не в такой степени.

Ареал С — периферийные районы области распространения суахили, где его понимает и использует в определенном социальном контексте некоторая часть населения (особенно молодежь), может слушать и понимать радиопередачи, пересказывать их, читать газеты и т. п.

Границы распространения суахили в настоящее время быстро расширяются. Джон Аллен сообщает, например, что суахили понимают в Киншасе, некоторых районах Анголы¹⁹, известен он и в Браззавиле.

Говоря о трех, условно выделенных, зонах функционирования суахили следует иметь в виду также существование, главным образом на побережье, диалектных различий (насчитывают около двадцати диалектных форм²⁰), а также его особой формы — *kisettla* (от английского *to*

¹⁷ Об истории создания и деятельности Комитета см. подробно: W. H. Whiteley, Linguistic research in East Africa, «Journal of East African Swahili Committee» (далее JEASC), № 24, 1954; его же, The work of the East African Swahili Committee (1930—1957), «Handelingen van het XXII Vlaams Filologencongres», 1957, pp. 279—282; A. F. Bull, Looking back thirty years — and forward. The story of the East African Swahili Committee, JEASC, vol. 1, part 3, № 32, 1961, pp. 20—23; Е. Н. Мясина, Восточноафриканский суахилийский Комитет и его издания, «Африканский этнографический сборник», III, 1959, стр. 227—229.

¹⁸ Ср. J. Allen, The case for developing Swahili, «East African Journal», vol. 2, № 2, 1965, pp. 29—34.

¹⁹ J. Allen, Указ. раб.; его же, The rapid spread of Swahili, «Swahili», vol. 30, 1959, pp. 70—73.

²⁰ О диалектах суахили см.: Ch. Sacieux, Grammaire des dialectes Swahili, Paris, 1909; C. H. Stigand, A grammar of dialectic changes in Kiswahili language, Cambridge, 1915; W. H. Whiteley, Kimtang'ata, Kampala, 1956; H. E. Lambert, Kivumba, Kampala, 1957; его же, Chi-jomvu and Kingare, 1958; W. H. Whiteley, The

settle), — смешанного суахили-английского жаргона, который служит для общения африканцев и поселенцев-европейцев в Кении. В общении между собой африканцы не пользуются им²¹.

Естественно, что суахили ареалов В и С далек от стандартных форм, более или менее принятых на побережье (стихийно сложившихся или установленных Суахилийским Комитетом, который выступал в роли своеобразного арбитра по вопросам языка при помощи специального «Бюллетеня»). Одна из задач лингвистической политики в Восточной Африке как раз и состоит в том, чтобы через систему образования, учебную литературу, прессу, радиовещание вводить повсеместно определенные стандартные формы. В Танзании, например, этим вопросам уделяется много внимания²². 11 августа 1967 года был издан закон о создании особого Совета — National Swahili Council, в задачу которого входит: внедрение суахили в официальную документацию и общественную жизнь, издание газет и журналов по проблемам развития языка и т. п.²³ Начиная с 1965 года, правительство Танзании организует так называемый Swahili Workshop — симпозиум по формам и методике преподавания суахили в школах. На заседаниях первого такого симпозиума (август 1965 г.) довелось присутствовать автору этой статьи. Симпозиум продолжался целый месяц, — учителя, работники министерств образования стран Восточной Африки, лингвисты обсуждали школьные программы по языку суахили (для каждого класса в отдельности), отработывали словари-минимумы, которыми должны овладеть школьники младших классов, отбирали тексты для чтения и т. д.²⁴ Все это делалось с учетом того, чтобы стандартные формы, определенные языковые нормы систематически и повсюду прививались школьникам. Педагогический колледж Дар-эс-Салама специально готовит преподавателей языка суахили, вооружая их разработанными методикой и программами. Большую роль в стандартизации языка играет Институт суахилийских исследований (Дар-эс-Салам), образованный на базе Суахилийского Комитета. В настоящее время он ведет подготовку новых суахилийских словарей и грамматики, издает журнал «Swahili», который освещает как практические, так и теоретические аспекты языка, публикует образцы старинной и современной суахилийской литературы. Однако проблема педагогических кадров и учебных пособий остается до сих пор острой, — существующие пособия уже не отвечают нынешним требованиям²⁵.

«Суахили — национальный язык Танзании, и долг каждого из нас — стараться посылно развивать его в письменной, устной и интеллектуальной формах. Я уверен, что в недалеком будущем у нас появятся книги по различным областям знаний, написанные на суахили самими афри-

dialects and verse of Pemba, 1958; H. E. Lambert, Chichifundi, 1958; W. H. Whiteley, An introduction to the rural dialects of Zanzibar, «Swahili», vol. 30, 1959, pp. 41—69; vol. 31, 1960, pp. 200—218.

²¹ О суахилийском сленге см.: R. H. Gower, Swahili slang, «Tanganyika notes and records» (далее TNR), № 51, 1958, pp. 250—255; еро же, Swahili slang, JEASC, vol. 28/2, 1958, pp. 41—48; J. A. K. Leslie, Swahili slang: further notes, JEASC, vol. 29/1, 1959, pp. 81; P. H. C. Clarke, A note on school slang, TNR, № 58—59, 1962, p. 205—206.

²² См., напр., «Greater emphasis placed on Swahili», «The Standard», № 10786, Thursday, July 1, 1965; L. Harries, Language policy in Tanzania, «Africa», vol. XXXIX, № 3, 1969, pp. 275—280.

²³ «An act to establish the National Swahili Council and to provide for matters connected therewith and incidental thereto», «Gazette of the United Republic of Tanzania», Dar es Salaam, vol. 48, № 34, 1967, acts. suppl. 4, pp. 171—175.

²⁴ См. «Report of the Swahili Workshop held at Chang'ombe», July — August, 1965 (роптапринт). Материалы симпозиума полностью опубликованы (см.: «Swahili», vol. 36/1, 1966, pp. 100—138).

²⁵ См.: J. P. M. Naimbaya, Kiswahili as the medium of teaching, «The education journal of the United Republic of Tanganyika and Zanzibar», vol. 1, № 11, 1964, p. 9; Ali Ahmed Jahadhmy, Cementing Tanzania through the medium of education, «Tanzania education journal», vol. 1, № 2, 1965, p. 10; S. S. Mushi, The role of Swahili books in nation-building endeavours, «Swahili», vol. 38/1, 1968, pp. 3—8.

канцами», — это слова Президента Танзании Джулиуса Ньерере из предисловия к первому учебнику по истории страны, написанного африканцем²⁶.

Общественные деятели, литераторы Танзании придают большое значение развитию языка суахили, призывая к бережному отношению к нему²⁷.

В 1968 г. начала работу Комиссия по изучению языковых проблем преподавания языков в странах Восточной Африки. Комиссия ставит перед собой цель — подробное изучение этнической структуры и языковой ситуации в странах региона.

В состав Комиссии входят этнографы, социологи, лингвисты. Опубликовано уже несколько выпусков специального Бюллетеня этой Комиссии, содержащих принципы и методику этно-социо-лингвистических исследований.

В декабре 1968 года в Дар-эс-Саламе состоялась первая конференция, обобщившая некоторые итоги работы Комиссии²⁸. На Конференции было прочитано около семидесяти докладов; в ее работе приняли участие крупнейшие лингвисты-африканисты Европы и Америки, большое число докладов было представлено африканцами. На Конференции работали следующие секции: «Развитие языка и языковая политика»; «Преподавание африканских языков в начальной школе»; «Подготовка преподавателей — словесников»; «Методы описания африканских языков»; «Теоретическая и прикладная лингвистика» и другие. Более конкретно проблеме был посвящен семинар, организованный в Дар-эс-Саламе вслед за Конференцией. На нем рассматривались социальные аспекты многоязычия в Восточной Африке.

Разумеется, в небольшой статье невозможно даже перечислить все вопросы развития языка суахили в связи с современными этническими и социальными процессами. Можно упомянуть лишь наиболее существенные из них: взаимоотношения суахили и местных наречий, суахили и английского языка; заимствования; становление современной литературы на суахили; вопросы терминологии — суахили и наука, техника и культура; роль суахили как объединяющей силы в национально-освободительном движении народов Восточной Африки и др.²⁹

Несомненно, что роль суахили в процессе ломки этнических перегородок огромна: процессы языковой ассимиляции ускоряют, естественно, и этнические процессы. Так как суахили не является языком какой-либо определенной этнической общности, его распространение не создает препятствий, связанных, например, с ущемлением национальной гордости, национального самосознания. Наоборот, он становится символом единства, — это не «мой», и не «твой», а «наш» язык.

Таким образом, Восточная Африка имеет два типа общностей, — этнолингвистическая общность генетического характера (например, ба-

²⁶ A. J. Nsekela, Указ. раб., стр. 11.

²⁷ Shaaban Robert, *Lugha ya Taifa. Insha na mashairi*, Tanga, 1959, pp. 17—18; его же, *Swahili as unifying force in East Africa*, «Swahili», vol. 33, 1, 1962/3, pp. 11—12; Amri Abedi, *The Swahili language*, «Spearhead», vol. II, № 3, 1963, pp. 14—15; Mohamed Ali, *Kiswahili. National Festival of Tanganyika*, Dar es Salaam, s/a, pp. 23—27; его же, *Maendelezo ya maandishi ya kiswahili*, «Swahili», vol. 36/2, 1966, pp. 13—21; J. K. Kiimbila, *Kanuni na njia za kuendeleza kiswahili*, «Swahili», vol. 35/2, 1965, pp. 28—39.

²⁸ «Eastern African Regional Conference on Language and Linguistics», Dar es Salaam, December 18—21, 1968. Краткий отчет о работе конференции см.: *Bulletin Survey of language use and language teaching in Eastern Africa*, vol. 2, № 2, 1969, pp. 2, 3.

²⁹ Все эти вопросы сейчас становятся предметом пристального изучения. Краткий обзор по этой теме см.: W. H. Whiteley, *Ideal and reality in national language policy: a case study from Tanzania*, «Language problems of developing nations», New York — London — Sydney — Toronto, 1969, pp. 327—344; его же, *Swahili. The rise of a national language*, London, 1969.

ганда) и общность, не имеющая в основе своей определенного этнического ядра, а формирующаяся в результате распространения одного общего языка. Представляется принципиально важным различать в современной Африке языки «этнические», т. е. непосредственно связанные с определенным этносом, и языки «региональные», — не имеющие такой связи или утратившие ее. Суахили — ярчайший представитель второго типа, точнее, — одной из разновидностей этого типа, так как неверно было бы смешивать суахили с другими разновидностями региональных языков, например, с sikorabelti или pidjin Западной Африки. Но это уже особые вопросы и они выходят за рамки этой статьи.

TOWARDS THE STUDY OF THE ETHNOLINGUISTIC SITUATION IN EAST AFRICA (THE ROLE OF SWAHILI)

After a brief description of the ethnolinguistic situation in East African countries the author characterizes the place and role of Swahili in modern ethnocultural processes taking place in this region. The author attaches great importance to distinguishing two types of ethnolinguistic communities: those of a genetic character (such as the Baganda) and those not founded upon any specific ethnic nucleus but being formed as a result of the diffusion of one common language (in the case under consideration — the Swahili). Thus the author distinguishes «ethnic languages» and «regional languages» regarding Swahili as one kind of the latter.